

**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ**

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-3-12-47

**СИНЕРГЕТИКА КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДИНАМИКИ ЭТНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр  
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»  
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН  
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18  
E-mail: [aslan-borov@mail.ru](mailto:aslan-borov@mail.ru)*

**Аннотация.** Синергетика представляет собой особую междисциплинарную область науки, в которой обобщаются описание и интерпретация динамических процессов в сложных открытых системах, находящихся вдали от равновесия. Предмет данной статьи относится не к синергетике как таковой или к «аутентичной синергетике», которая неотделима от математического языка выражения, а к области исторического знания. В ней делается попытка применить синергетический подход к уже накопленному в рамках исторической науки знанию в целях получения результатов, имеющих значение для общих интерпретаций истории народов Северного Кавказа. Любой попытке интерпретации исторических явлений и процессов в терминах «системной бифуркации», «самоорганизации», «нелинейности» и т.п. должно предшествовать определение исследуемого объекта как системы и определение его специфики как особого типа системы. С этой точки зрения адыгский этно-социальный ареал и Кабардино-Балкария, как объекты исторического познания могут быть представлены в качестве определенных разновидностей малых исторических систем, а именно – этно-региональных исторических систем. Это понятие подразумевает длительное существование во времени и воспроизводство культурно-специфической пространственно-временной исторической целостности. На их исторической траектории достаточно четко выделяются периоды стационарного (устойчивого) состояния и «разрывы» между ними, т.е. переходные периоды интенсивных социально-политических и культурных сдвигов. Это позволяет репрезентировать ее в терминах синергетики. Реконструкция механизмов и форм самоорганизации этнического социума на кризисных, неустойчивых фазах исторической траектории позволяет по новому представить соотношение внутренних и внешних, социально-экономических и социокультурных факторов его исторической эволюции. Есть достаточно оснований полагать, что когерентность (единообразие и согласованность) социального поведения в переломных ситуациях задавалась единым горизонтом этнической культуры, что необходимость адаптации к динамичной внешней среде определяла точки притяжения (аттракторы), вокруг которых стабилизировались новые, «наиболее вероятные» конфигурации общественных структур, что основным механизмом адаптации выступало культурное взаимодействие и, соответственно этому, основной функцией возникающих диссипативных (развитых, более сложных) структур оказывалось повышение степени коммуникативности культуры т.е. формирование каналов и агентов культурного

взаимодействия, развитие способности воспринимать и передавать опыт, обогащать и универсализировать собственные культурные смыслы.

**Ключевые слова:** история; синергетика; Северный Кавказ; адыги; карачаево-балкарцы; Кабардино-Балкария; этно-региональная историческая система.

## SYNERGETICS AS A MODE OF REPRESENTING THE DYNAMICS OF ETHNO-REGIONAL HISTORICAL SYSTEMS

**A.Kh. BOROV**

*FSBSE «Federal Scientific Center  
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,  
Center of socio-political researches  
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18  
E-mail: [aslan-borov@mail.ru](mailto:aslan-borov@mail.ru)*

**Abstract.** Synergetics is a special interdisciplinary field of science, which generalizes the description and interpretation of dynamic processes in complex open systems far from equilibrium. The subject of this article does not refer to synergetics as such or to “authentic synergetics”, which is inseparable from the mathematical language of expression, but to the field of historical knowledge. It attempts to apply a synergetic approach to the knowledge already accumulated within the framework of historical science in order to obtain results that are important for general interpretations of the history of the peoples of the North Caucasus. Any attempt to interpret historical phenomena and processes in terms of “system bifurcation”, “self-organization”, “nonlinearity”, etc. should be preceded by the definition of the object under study as a system and the definition of its specificity as a special type of system. From this point of view, the Adyghe ethno-social area and Kabardino-Balkaria, as objects of historical knowledge can be represented as certain varieties of small historical systems, namely, ethno-regional historical systems. This concept implies a long existence in time and the reproduction of a culturally specific space-time historical integrity. On their historical trajectory, one can clearly distinguish periods of a stationary (stable) state and “gaps” between them i.e. transitional periods of intense socio-political and cultural shifts. This allows it to be represented in terms of synergetics. Reconstruction of the mechanisms and forms of self-organization of an ethnic society at crisis, unstable phases of the historical trajectory allows us to re-imagine the ratio of internal and external, socio-economic and socio-cultural factors of its historical evolution. There are sufficient grounds to believe that the coherence (uniformity and consistency) of social behavior in critical situations was set by a common horizon of ethnic culture, that the need to adapt to a dynamic external environment determined the points of attraction (attractors) around which new, “most probable” configuration of social structures were formed, that the main mechanism of adaptation was cultural interaction and, accordingly, the main function of emerging dissipative (developed, more complex) structures was to increase the degree of communicativeness of culture, i.e. the formation of channels and agents of cultural interaction, the development of the ability to perceive and transfer experience, to enrich and universalize their own cultural meanings.

**Keywords:** history; synergetics; North Caucasus; Adyghe; Karachai-Balkars; Kabardin-Balkaria; ethno-regional historical system.

### Постановка проблемы

Синергетика сформировалась на протяжении последней трети XX в. как особая междисциплинарная область науки, в которой обобщаются описание и интерпретация динамических процессов в сложных открытых системах, находящихся вдали от равновесия. Как теория необратимых процессов в открытых неравновесных системах синергетика синтезирует результаты и методы ряда научных школ в различных областях естественных и точных наук, от физики лазера (Г. Хакен) до химической кинетики (И. Пригожин) [Капица и др. 1997; Ласло 1993; Шевлоков 1999].

Однако принятые синергетикой принципы, понятия и модели описания динамических процессов довольно скоро приобрели более широкое научное влияние, поскольку они имеют силу для весьма представительного класса объектов. «Так как сложные системы поистине вездесущи, – заметил один из основоположников синергетики Г. Хакен, – перед нами возникает острая проблема отыскания унифицирующих принципов, которые позволили бы нам должным образом подходить к исследованию таких систем» [Хакен 1991: 21]. Сегодня термин «синергетика» используется как обобщенное название ряда научных направлений, в рамках которых исследуются процессы самоорганизации и эволюции, упорядоченного поведения сложных нелинейных систем физической, химической, биологической, экологической, социальной и др. природы [Князева 2009: 861].

Синергетика представляет собой одно из передовых направлений современной науки, а то обстоятельство, что синергетические представления интерпретируются в равной мере и на онтологическом и на гносеологическом уровне придает им не просто междисциплинарный, но – в известных пределах – общенаучный характер. С этой точки зрения соотнесение логико-методологических оснований исторической науки с логикой синергетического подхода является вполне оправданным. Результаты такого соотнесения не могут быть предписаны заранее. Речь идет, прежде всего, о поддержании способности к внутринаучному диалогу, к пониманию и освоению общего интеллектуального содержания передовых отраслей научного знания.

В современной философии науки утвердилось представление о смене типов научной рациональности – классического (XVII – начало XX в.), неклассического (первая половина XX в.) и постнеклассического (с конца XX в.). Каждый из них расширяет поле исследуемых объектов (от доминирования в XVII-XVIII вв. исследований простых, механических систем, до включения в качестве главных объектов изучения сложных, саморегулирующихся, а затем и исторически развивающихся систем) [Стёпин 2009: 565]. В основе эволюции научной рациональности в XX в. по И. Пригожину лежит процесс преодоления тех предпосылок классической науки, «которые были сосредоточены вокруг основополагающего тезиса, согласно которому на определенном уровне мир устроен просто и подчиняется обратимым во времени фундаментальным законам» [Пригожин, Стенгерс 1986: 47]. В некоторых своих проявлениях (постмодернизм) этот процесс знаменовал радикальный разрыв с традициями

социологической и исторической науки, заложенными в эпоху модерна [Козлова, Смирнова 1995; Смит 1997; Ионин 1996]. В отличие от естественных наук здесь шла речь не об ограничении пространства действия предшествующих типов рациональности, а об их устранении. И параллели и расхождения в гносеологическом содержании этих явлений могут оказаться слишком значительными для перспектив истории как научной дисциплины, чтобы можно было уклониться от их обсуждения.

Основоположники синергетики усматривали возможность распространения синергетических представлений на изучение общества и истории. Г. Хакен рассматривал синергетику как мост между естественными и социальными науками. Еще недавно считалось, замечал он, что гуманитарные науки занимаются изучением истинно сложного поведения и сложных систем, тогда как физика долгое время почиталась за свою способность предсказывать события. Но чем больше физике приходится иметь дело с сложными системами, тем больше мы сознаем необходимость новых понятий. Физика все более утрачивает некоторые черты, считавшиеся ранее ее неотъемлемой принадлежностью, например, способность делать точные предсказания [Хакен 1991: 23]. В своих работах он фиксировал синергетические эффекты в экономике, психологии, формировании общественного мнения, в революционных переходах от одного общественного порядка к другому [Хакен 2003].

В книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» те или иные положения, интерпретирующие механизмы направленной во времени эволюции сложных систем нередко сопровождаются аналогиями с социальными и историческими процессами. Свой интерес к проблемам времени и неудовлетворенность скудостью естественнонаучных представлений в этой области И. Пригожин связывал с особенностями личного интеллектуального опыта, а именно, с тем обстоятельством, что еще до поступления в университет он изучал цикл гуманитарных наук, «из которых ведущими были история и археология» [Пригожин, Стенгерс 1986: 51]. Он исходил из того, что существует «сильное взаимодействие проблем, относящихся к культуре как к целому и внутренним концептуальным проблемам естествознания» [Пригожин, Стенгерс 1986: 61-62]. С этой точки зрения новое открытие времени уходит своими корнями не только в собственную историю естественных наук, но и в тот социальный контекст, в котором находится современная наука, а общий интерес к неравновесным ситуациям, к эволюционирующим системам, по-видимому отражает ощущение того, что человечество в целом переживает сейчас некий переходный период [Пригожин, Стенгерс 1986: 62].

Таким образом, синергетические представления можно рассматривать в некотором смысле как результат обобщения на неорганический мир таких характеристик биологических и социальных систем, как высокая степень сложности, направленная во времени эволюция, воздействие на нее случайных отклонений, самоорганизация. Справедливым представляется суждение С.А. Гомаюнова, объясняющего все больший интерес современного научного сообщества к нелинейному (синергетическому) стилю мышления своеобразным

«узнаванием» синергетики биологами, социологами, экономистами, историками [Гомаюнов 1994: 99-100]. Дж.Л. Гэддис рассматривает такие категории синергетики как хаос, сложность, чувствительная зависимость от начальных условий, фракталы, самоорганизованная критичность и заключает, что историки оказываются на передовой линии современной научной революции именно тогда, когда занимают «реакционную позицию». Они видят, что сами того не сознавая практиковали «новые науки хаоса, сложности и даже критичности» и похожи на Мольеровского буржуа, с удивлением обнаружившего, что он всю жизнь разговаривал прозой [Gaddis 2002: 88].

С другой стороны, в отечественной литературе акцентируется парадигмальная новизна синергетики, представляющей собой «новый взгляд на окружающий мир, новый идеал научности, новый способ постановки и решения задач, наконец, новый принцип использования познавательных возможностей человека» [Сапронов 2001: 155-156]. Необходимость обращения к ней историков связывается с тем, что к концу XX в. большинство ученых-гуманитариев придерживались еще классической научной парадигмы, ориентировавшей их на поиск универсальной и безальтернативной теории исторического процесса, единственно-верных законов его протекания. Но непреодолимые трудности на этом пути породили дефицит теоретико-методологической фундированности исторического познания, что вкуче с постмодернистским натиском и экспансией других социально-гуманитарных дисциплин грозит утратой его научного статуса и дисциплинарной автономии. Для преодоления подобных тенденций необходимо перейти на новый мировоззренческий уровень, скоординировать логику исторического познания с логикой современной постнеклассической науки, принять новые представления об идеалах, критериях и ценностях научного мышления [Сапронов 2001: 150-151].

И действительно, российские историки достаточно много внимания уделяют обсуждению того, как меняется представление исторического процесса при использовании синергетических категорий. Достаточно полный и глубокий анализ дискуссий о соотношении синергетики и истории осуществлен Б.И. Бородкиным [Бородкин 2016: 132-182]. Это позволяет определить для себя ограничения и возможности применения категориально-понятийного аппарата синергетики к решению конкретных познавательных задач, не повторяя работу, уже проделанную специалистами.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что задачи данной работы не относятся к синергетике как таковой или к «аутентичной синергетике» [Круглый стол... 2006: 8-9], которая неотделима от математического языка выражения. Предметное поле теории синергетики включает в себя статистическую физику, термодинамику открытых систем, теорию динамического хаоса, теорию катастроф, теорию фракталов. Рассматривая соотношение широко употребляемых понятий «самоорганизация», «кибернетика» и «синергетика», Д.С. Чернавский отмечал общность их предмета. Но если чрезмерное обобщение принципов кибернетики привело к утрате ею научной строгости, то в синергетике владение математическим

аппаратом (теорией динамических систем, математическим моделированием) еще считается необходимым условием: «по существу синергетика состоит из математических моделей явлений самоорганизации» [Чернавский 2004: 82, 83]. Задачи же предлагаемой работы принадлежат к области исторического знания. В данном случае предполагается попытка применить синергетический подход к уже полученному в рамках исторической науки знанию в целях достижения результатов, имеющих значение для общих интерпретаций истории народов Северного Кавказа.

Следующий вопрос касается того, есть ли познавательная необходимость в использовании синергетического подхода к изучению истории. Такая необходимость может иметь двойные основания. Первое относится к случаю, когда источники дают возможность при изучении демографических, экономических, социальных процессов анализировать эмпирические временные ряды с использованием математических средств для выявления в них хаотических режимов. Это прикладной аспект теории хаоса, дающий существенное приращение знаний об объекте исторического исследования [Бородкин 2016: 157]. Другой случай имеет место, если предмет исторического исследования выступает как сложная, саморазвивающаяся система, если решаемые задачи связаны с развитием системы и фазовыми переходами. По оценке В.С. Стёпина экспансия синергетических методов в различные науки эффективна там и тогда, где и когда требуется учитывать саморазвитие, его интегральные характеристики и закономерности. При этом необходим анализ, связанный с постановкой проблемы: почему возможен перенос методов, каковы его основания? Он предполагает предварительное видение сходства предметных областей, с которыми скоррелирован метод [Стёпин 2007]. К настоящему исследованию приложим второй из указанных случаев. Цель его заключается в обобщенном представлении исторической эволюции региональных этносоциальных сообществ.

Это значит, что понятия синергетики будут употребляться далее не в их строгом математическом значении, а в качестве определенных метафор. Проблема метафоризации при обращении к синергетике представителей социогуманитарного знания носит достаточно острый характер. С точки зрения строгой синергетики она может восприниматься как ее профанация, но для историка, обращающегося к новым понятиям, может быть реальна их эвристическая ценность относительно его предмета. Дж.Л. Гэддис усматривает важность для историка категорий хаоса и сложности в том, что они дают ему как бы новую грамотность (*a new kind of literacy*) и, соответственно, новый набор терминов для представления исторических процессов, более гибкий и подвижный язык для сравнений и анализа. При этом он подчеркивает: «Позвольте мне быть совершенно откровенным: это метафоры. Это не сами процессы» [Gaddis 2002: 78]. Метафоричность многих понятий социальных наук традиционно признавалась их неустранимой характеристикой [Stone 1987: 42]. Но это не значит, что историк свободен в манипулировании смыслами используемых им понятий синергетики. Нельзя не согласиться с суждением Л.И. Бородкина о том, что различные «вольные» трактовки и интерпретации

синергетического подхода, его категорий, «оторвавшиеся» от базовых построений Пригожина, Хакена, Курдюмова и других отцов-основателей синергетики, должны корректироваться – даже в тех случаях, когда они получили уже распространение в социально-гуманитарных науках [Бородкин 2016: 159].

Таким образом, применение синергетического подхода в историческом исследовании предполагает необходимость эксплицировать: во-первых, смысл используемых понятий теории синергетики; во-вторых, авторское понимание специфики объекта изучения, к которому они будут приложены, и специфики познавательной ситуации в контексте которой происходит обращение к синергетическим представлениям; в-третьих, конкретный предмет и цель предполагаемого анализа. Обсуждение применимости синергетических принципов в историческом познании в этой статье, с одной стороны, непосредственно опирается на пригожинскую модель нелинейных процессов и процессов самоорганизации в открытых неравновесных системах, а с другой – ограничивается конкретным и достаточно узким научным интересом. Речь идет о методологических проблемах целостной реконструкции и обобщенной интерпретации истории адыгского этнического мира и Кабардино-Балкарской Республики (Кабардино-Балкарии).

### **Основные понятия теории диссипативных структур**

Совокупность основных представлений, понятий и моделей синергетики, поскольку они применяются в качестве познавательных средств за пределами той сферы, в которой они были первоначально сформулированы, обозначается в этой статье как «синергетические принципы» или «синергетический подход». Некорректность буквального их переноса на область исторического познания очевидна. Абстрактно-логический анализ того, в какой мере возможна их строгая интерпретация на историческом материале относится скорее к специальным проблемам теории познания. Но в любом случае должна обеспечиваться адекватность их толкования и применения, а это делает необходимым представить в явном виде авторское понимание существа синергетических принципов.

В общем виде, они сводятся к следующему. Достаточно сложные и открытые (т.е. имеющие какие-либо формы обмена с окружающей средой) системы при «нормальных» значениях внутренних и внешних параметров пребывают в состоянии динамического равновесия, сохраняя свою структурную устойчивость и целостность. Отклонения параметров, управляющих состоянием системы, от обычных средних значений до определенных пределов не нарушают этого равновесия. Эволюция системы в этих пределах имеет монотонный и линейный (детерминированный) характер. Однако, когда отклонение какого-либо параметра достигает некоторой критической точки – порога устойчивости системы – она теряет способность гасить внутренние флуктуации и оставаться невосприимчивой к внешним. В таком, сильно неравновесном состоянии, поведение составляющих ее

элементов и подсистем становится неупорядоченным, хаотическим. С точки зрения общей эволюции системы это соответствует возникновению развилки (бифуркации) ее динамической траектории. В точке бифуркации перед системой возникает выбор одного из возможных путей дальнейшей эволюции, причем этот выбор никак не детерминируется ее предшествующим состоянием, а носит исключительно случайный характер. Предсказать какое из множества хаотических флуктуации стабилизируется и «завладеет» системой принципиально невозможно. Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы [Пригожин, Стенгерс 1986: 56]. Описание эволюции вблизи точек бифуркации может носить только вероятностный характер. Оно укладывается вместе с тем в рамки жесткой альтернативы – полная дезинтеграция системы или обретение ею новой, более сложной устойчивой структуры и новой траектории развития [Ласло 1993: 26]. Таким образом, то, что на макроскопическом уровне относительно предшествующего стационарного состояния системы выступает как полная неупорядоченность, как хаос – на микроскопическом уровне может представлять собой тонкую и чрезвычайно чувствительную форму самоорганизации, из которой спонтанно возникает новый макроскопический порядок.

Самоорганизация и возникновение нового устойчивого порядка из неустойчивого хаотического состояния становятся возможными в силу действия ряда механизмов. Спонтанное порождение порядка происходит, когда какое-то одно из колебательных движений (флуктуаций), раскачивающих систему, вдруг закрепляется, а затем с большой быстротой усиливается и распространяется на остальную часть системы, становясь доминирующим в ее динамике. Так что, когда из недр хаоса рождается новый порядок, он отражает структурные и функциональные характеристики закрепившегося колебания [Ласло 1993: 27]. В терминологии И. Пригожина это «порядок через флуктуацию». Трактовка этого процесса у Г. Хакена связана с понятиями «параметра порядка» и «принципа подчинения». Параметры порядка – это медленно меняющиеся переменные, которые подчиняют себе множество быстро меняющихся переменных и определяют ход макропроцесса, т.е. «позволяют системе находить свою структуру». А при изменении управляющих параметров в широком диапазоне системы могут проходить через иерархию неустойчивостей и сопровождающих их структур [Хакен 1991: 32]. Интересным представляется и редко комментируемое в литературе замечание Г. Хакена о том, что при надлежащей интерпретации результатов синергетики можно рассматривать возникновение смысла как возникновение нового качества или как саморождение смысла [Хакен 1991: 45]. Применительно к физике лазера он показывает, что параметр порядка (когерентная световая волна) с точки зрения информации играет двоякую роль: он сообщает атомам о том, как им надлежит вести себя и, кроме того, доводит до сведения наблюдателя о макроскопически упорядоченном состоянии системы [Хакен 1991: 48]. Взаимная дополнительность этих подходов достаточно очевидна. И в

том и в другом случае возникновение нового порядка связано с явлением когерентности, т.е. единообразным, «согласованным» поведением элементов и подсистем, в результате чего система начинает также вести себя как единое целое [Пригожин, Стенгерс 1986: 229].

Складывающиеся таким образом новые конфигурации устойчивых связей между элементами системы, И. Пригожин характеризует как диссипативные структуры. Этим подчеркивается, что они вырастают из процессов, сопровождающихся рассеянием (диссипацией) или потерями энергии и информации, снижением меры упорядоченности и устойчивости системы. Другая сторона специфики диссипативных структур отражает тот факт, что в неустойчивом состоянии резко повышается восприимчивость системы к внешним силам, к воздействию окружающей среды. Таким образом, диссипативные структуры могут рассматриваться как формы адаптации системы к внешним условиям [Пригожин, Стенгерс 1986: 55].

При этом всегда существуют некие особые силы или точки притяжения – аттракторы, которые задают траекторию системы, определяют наиболее вероятные ее состояния или структуры. Смена динамических режимов системы (от одного стационарного состояния через неустойчивость и бифуркацию к новой упорядоченности и устойчивости) означает, что каждый раз система начинает реагировать на новый набор аттракторов, задающих ей более сложную траекторию. В целом определение возможных путей дальнейшей эволюции системы осуществляется через механизм отбора. Таким образом, в ходе своей эволюции сложные неравновесные системы описывают траекторию в собственном фазовом пространстве (state space), отмеченном определенной характерной конфигурацией. Тот факт, что при бифуркации мы не можем предугадать точную траекторию системы, – не препятствие к тому, чтобы представить и предсказать базовые конфигурации, которые развивающаяся система явит с течением времени [Ласло 1993: 27].

Принципиальная новизна синергетики в ее общем виде заключается в том, что в противоположность классической динамике она описывает процессы в открытых динамических системах как направленные во времени (необратимые) и нелинейные (вероятностные, скачкообразные), но в противоположность классической термодинамике она одновременно рассматривает их как процессы самоорганизации, которые способны приводить не к неуклонному возрастанию энтропии и конечному хаосу, но к возникновению все более сложных упорядоченных структур. В этой связи в контекст синергетического подхода прямо вводится понятие «исторической перспективы», возникающей в ходе эволюции системы, а ее «история» моделируется следующим образом: «"Историческая" траектория, по которой эволюционирует система при увеличении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из вариантов будущего... Эта смесь необходимости и случайности и составляет "историю" системы» [Пригожин 1991: 50; Пригожин, Стенгерс 1986: 227-228].

Синергетика не претендует на всеобщность своих принципов. И. Пригожин и И. Стенгерс подчеркивают, что необратимость – явление не универсальное. Мир далеко не однороден, существуют различные классы динамических систем и синергетический подход применим лишь к определенным их типам. При этом каждый раз необходимо определять – имеется ли в структуре динамических систем данного типа нечто специфическое, что ориентирует их эволюцию во времени и позволяет им «отличать» прошлое от будущего [Пригожин, Стенгерс 1986: 58]. Ни в биологической, ни в экологической или социальной эволюции нельзя считать заданным определенное множество взаимодействующих единиц или определенное множество преобразований этих единиц. Это означает, «что определение системы необходимо модифицировать в ходе эволюции» [Пригожин, Стенгерс 1986: 250]. Любая попытка зафиксировать состояние системы, меру убывания или возрастания порядка требует всякий раз переопределять рассматриваемые единицы [Пригожин, Стенгерс 1986: 60]. Более того, в отличие от систем в слабо неравновесной области поведение сильно неравновесных систем весьма специфично. В сильно неравновесной области не существует универсального закона, из которого можно было бы вывести заключение относительно поведения всех без исключения систем. Каждая сильно неравновесная система требует особого рассмотрения [Пригожин, Стенгерс 1986: 200].

В совокупности этих положений усматривается одно из ключевых методологических условий адекватности применения синергетического подхода к объекту исторического познания. Оно заключается в том, что любой попытке интерпретации исторических явлений и процессов в терминах «системной бифуркации», «самоорганизации», «нелинейности» и т.п. должно предшествовать определение исследуемого объекта как системы и определение его специфики как особого типа системы. Речь в данном случае идет о логическом предшествовании. Синергетические модели по определению являются моделями особого рода системной эволюции.

На первый взгляд синергетический подход парадоксальным образом ставит под сомнение самые фундаментальные и очевидные для современного человека представления об историчности, т.е. направленной во времени эволюции социального мира. Ведь с точки зрения синергетики различие между прошлым и будущим и необратимость (стрела времени) могут входить в описание системы только в том случае если она ведет себя достаточно случайно если будущее не задано. Если будущее каким-то образом содержится в настоящем, в котором заключено и прошлое, то что собственно означает стрела времени? – спрашивают И. Пригожин и И. Стенгерс [Пригожин, Стенгерс 1986: 59]. Но практически все современные общества в своей жизнедеятельности руководствуются представлением о взаимообусловленности прошлого настоящего и будущего [Барг 1987: 5]. Они не могут функционировать, не помня своего прошлого и не проецируя это знание на будущее. Конструкция времени, различающая его модальности, оказывается функцией не наблюдателя или исследователя, а самого общества и реализуется она в его культуре.

Различение прошлого, настоящего и будущего в этом случае должно не только входить в описание системы но и существенно модифицировать представление о случайном поведении применительно к человеческому обществу. Здесь следует принимать во внимание две специфические характеристики социальных систем (целостностей).

Во-первых, в отличие от физико-химических систем (но подобно биологическим) человеческое общество и на микроскопическом (вплоть до индивидуального) и на макроскопическом уровне характеризуется высокой степенью сложности. И. Пригожин и И. Стенгерс подчеркивают любопытное различие примеров самоорганизации из неорганической химии и биологии. В первом случае молекулы участвующие в реакциях просты тогда как механизмы реакции сложны. Во втором схемы реакций просты, тогда как молекулы в них участвующие весьма сложны. Объясняется это тем что у биологических систем есть прошлое. Образующие их молекулы итог предшествующей эволюции [Пригожин, Стенгерс 1986: 209]. Это наблюдение имеет еще больше оснований для случая социальных систем. Социальное время не просто проходит, а накапливается в опыте, культуре и институтах общества. Индивиды обретают способность к выполнению социальных ролей только в процессе социализации, в частности, получив знания о сложившихся до них правилах, по которым функционирует данная социальная система. Институты же как функциональные подсистемы общества целиком являются продуктом социальной эволюции. И в этом смысле, социальная жизнь по определению выступает как феномен самоорганизации.

Во-вторых, человеческое общество и на микроскопическом и на макроскопическом уровне функционирует сознательно (но не обязательно рационально). Индивидуальное и общественное самосознание подразумевает отношение к прошлым и будущим поколениям как к «другим». Общество обладает не только историей, но и историческим сознанием. Последнее соединяет в себе и познавательный (ту или иную интерпретацию происхождения данной социальной целостности) и практический (индивидуальное и общественное целеполагание) интерес. Столь же существенно и другое. Практически всем социальным явлениям, институтам и действиям приписывается некоторое ценностное (культурное) значение. Любые флуктуации в системе социальных взаимодействий соотносятся с ценностно-нормативными основами социального порядка и приобретают тот или иной смысл. С этой точки зрения даже общественный хаос должен быть понят, а общественная эволюция всегда находит свое объяснение. Общество в принципе не может согласиться с тем, что выбор дальнейшей траектории его развития есть «такой же случайный процесс как бросание монеты» [Пригожин, Стенгерс 1986: 237].

### **Познавательный контекст применения синергетического подхода к эволюции этно-региональных исторических систем**

Выше отмечены только наиболее общие черты, отличающие социальные образования от природных систем. С одной стороны, этого достаточно, чтобы увидеть – применительно к объекту исторического познания синергетический подход может предложить некий дополнительный способ описания, но не может заменить иные способы. С другой стороны, его реализация требует существенно более конкретного и четкого определения объекта исследования. Именно в этом направлении идет в последние годы в теоретической социологии и в философии истории развитие представлений об основной единице социологического и исторического анализа – обществе.

В русле марксистской традиции весьма глубокие и плодотворные идеи развивал Ю.И. Семёнов [Семёнов 1997]. Прежде всего, он предлагал различать основные значения слова «общество». Во-первых, это конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития – социально-исторический организм или социор. Во-вторых, это пространственно ограниченная система социально-исторических организмов или социорная система. В-третьих, это все когда либо существовавшие социально-исторические организмы вместе взятые – человеческое общество в целом. В-четвертых, это общество вообще, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. В-пятых, это общество определенного типа (например феодальное или индустриальное). Субъектами исторического процесса являются и отдельные социально-исторические организмы и социорные системы различного иерархического уровня и человеческое общество в целом [Семёнов 1997: 160-161]. Основной порок ортодоксальной версии смены общественно экономических формации Ю.И. Семенов видел в том, что в ней единство мировой истории сводилось к общности законов, действующих в каждом социально-историческом организме и предписывающих каждому из них прохождение одних и тех же стадий или формационных ступеней. А вот связям горизонтальным, связям между сосуществующими в пространстве социально-историческими организмами значения не придавалось [Семёнов 1997: 159]. И проистекал этот порок именно из-за отсутствия в ортодоксальном историческом материализме «понятия конкретного отдельного общества, являющегося относительно самостоятельной единицей исторического развития, т.е. понятия социоисторического организма» [Семёнов 1996: 82].

Со своей стороны, крупнейший западный социолог нашего времени Э. Гидденс возражает против концентрации внимания на обществе как четко отграниченной социальной системе во всей ее полноте. Во-первых, такое представление стимулирует преимущественный интерес к эндогенным моделям социального изменения, предполагающим, что исходные побудительные импульсы социальной трансформации проистекают изнутри общества. Э. Гидденс считает очевидной ограниченность такой позиции. Ведь все типы

социальных систем, начиная от малых дописьменных культур и аграрных государств и кончая современными социальными образованиями, всегда существуют в контексте интерсоциальных систем, который самым серьезным образом влияет на их природу и траектории развития. Во-вторых, оно плохо согласуется с характером дописьменных культур и аграрных государств прежних эпох, то есть тех «обществ», с которыми была связана большая часть исторической жизни человечества. С одной стороны, аграрные государства, как правило, отличались крайней сегментарностью и внутренней гетерогенностью; они не обладали границами в современном смысле слова, а скорее имели размытые, подвижные «рубежи». С другой – что касается дописьменных культур, то вопреки традиции, отождествляющей «общество» с ограниченной локальной общиной, крайне трудно определить, где кончается одна культурная единица и начинается другая [Гидденс 1993: 65-66].

Наиболее последовательный вариант критического пересмотра понятия «общество» как основной единицы социального и исторического анализа принадлежит основоположнику современной школы миросистемных исследований И. Валлерстайну [Валлерстайн 1997]. Он подвергает сомнению основные постулаты либерально-прогрессивистской (просветительской) идеологии относительно природы общества и истории. Среди них представление о рациональном характере общественных структур и предопределенности прогресса; о том, что общества суть самодостаточные социальные системы с исключительным членством, границы которых, соответствуют границам государств («что каждое государство содержит одно и только одно “общество” и что каждый из нас является членом только одного такого общества»); о том, что экономика, гражданское общество и государство представляют собой автономные сферы общественной жизни, подчиняющиеся собственным принципам [Валлерстайн 1997: 12-13].

Основной единицей социального анализа на его взгляд, должно служить не «общество», а «исторические системы». Они выстраиваются на основе развивающегося разделения труда и границы их определяются границами эффективности свойственного им разделения труда; они обладают разнообразными институтами, обеспечивающими их функционирование и воспроизводство в соответствии со своими базисными принципами (причем «все институты действуют одновременно и политически, и экономически, и социокультурно и не могут быть эффективными иначе»). Вместе с тем они историчны и каждая из них имеет свое начало и свой конец [Валлерстайн 1997: 13]. В качестве примеров исторических систем И. Валлерстайн указывает капиталистическую мировую экономику, Римскую империю, структуры майя в Центральной Америке и замечает, что существует несчетное количество малых исторических систем [Валлерстайн 1997: 14].

В центре интересов самого И. Валлерстайна находится мировая капиталистическая система (или современная мир-система), возникновение которой он относит к концу XV в. Здесь нет возможности и необходимости излагать его концепцию по существу. Отметим главное для целей этой статьи. При объяснении механизмов генезиса мировой капиталистической системы, ее

функционирования и нынешней фазы трансформации используется, по словам самого И. Валлерстайна, пригожинская модель нелинейных процессов, выражающая некумулятивные, недетерминированные радикальные трансформации. «Концептуальное объяснение упорядочивания процессов мирового универсума не связанных с детерминацией, – подчеркивает он, – выступает наиболее интересным достижением познания в области естественных наук за последние десятилетия и означает коренной пересмотр господствующего научного мировоззрения характерного для модерна. Оно также является на мой взгляд наиболее удачным возрождением идеи творческого начала во Вселенной включая человеческое общество» [Валлерстайн 1997: 18].

Во всех рассмотренных вариантах построения более конкретных, дифференцированных представлений об объекте социально-исторического познания можно обнаружить некоторые общие черты. Во-первых, это стремление в более полной мере учитывать, что любые социально-исторические образования представляют собой не жестко отграниченные друг от друга самодостаточные единицы, а открытые системы высокой степени сложности. Во-вторых, это ясное понимание того, что первичные единицы социальной реальности (будь то общества или исторические системы) всегда включены в более широкие интерсоциальные системы различного уровня (от локально-регионального до мирового) а, следовательно, историк всегда решает двойную проблему выбора и определения (вычленения) объекта своего исследования. В-третьих, из сути отмеченного выше, следует, что каждая, выделенная таким образом социально-историческая система (как субъект исторического процесса), имеет собственную индивидуальную историческую траекторию, которая в ее конкретном виде не выводима из каких-либо общих законов и вместе с тем не поддается полному объяснению на основе только внутренних для данной системы причинно-следственных связей.

Дальнейшие уточнения связаны со спецификой истории по сравнению с другими науками, изучающими общество и человека. Любые социальные образования становятся объектами исторического познания только будучи соотнесены со временем, с каким-то процессом изменений, одновременно отделяющим и связывающим прошлое и настоящее [Савельева, Полетаев 1997: 19-20]. Следовательно, синергетический подход может оказаться «адекватным», обоснованным и продуктивным и в случае его применения к описанию и объяснению всей исторической траектории данной системы, а не только в выборочно-иллюстративной привязке к ее отдельным аспектам и фазам.

С этой точки зрения адыгский мир и Кабардино-Балкария, как объекты исторического (в отличие от социологического, этнологического и т.п.) познания могут быть представлены в качестве определенных разновидностей малых исторических систем, а именно – этно-региональных исторических систем. И в том и в другом случае это понятие в определенной степени соответствует понятию цивилизации в узком смысле данного обозначения, которое подразумевает просто «длительное существование во времени и

воспроизводство специфической пространственно-временной исторической целостности» [Хвостова 1995: 189]. Оно соответствует, как можно полагать, методологическим принципам и самой синергетики, для которой признание универсального эволюционизма не означает неизбежности единого универсального описания. Напротив, подчеркивают специалисты, центральной идеей теории самоорганизации при исследовании эволюционирующих общественных систем является четкое определение различных уровней описания и выяснение условий, позволяющих переходить от одного уровня к другому [Пригожин 1985: 12].

В реальной исследовательской практике построение или применение любых моделей, интерпретирующих всю историческую траекторию данного социального образования (общества, государства, народа и т.д. и т.п.) возможно только в соотнесении со всей суммой накопленного эмпирического (источникового) и концептуального (историографического) знания о нем. Никакие новые «переосмысления», предполагающие игнорирование или отбрасывание этого знания, не могут претендовать на сколь-нибудь фундаментальное значение. Как подчеркивал В.Б. Губин, нельзя применять «синергетический подход», т.е. какие-то феноменологические описания, уравнения или эффекты синергетики, не выяснив предварительно, что там происходит на самом деле [Губин 2006: 11].

С другой стороны, дело не может ограничиваться и традиционной формой анализа историографии проблемы. В данном случае следует учитывать и более глубокие факторы, ориентирующие историческое познание. Описание и анализ социальных процессов, отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, зависят от положения наблюдателя во времени, от того, что именно для него является прошлым, настоящим и будущим и, соответственно, от его представлений о каждом из этих трех компонентов временного процесса: его памяти (знаний, информации, представлений о прошлом) и его ожиданий (прогнозов, представлений о будущем). Существенное значение имеет, наконец, степень осознания исследователем своей двойственной роли наблюдателя и действующего [Савельева, Полетаев 1997: 91]. Иными словами требуется учитывать более общий познавательный контекст, в котором осуществляется историческое познание.

Современная познавательная ситуация в историографии и мировой, и российской, и региональной поддается, как минимум, метафорическому описанию в терминах синергетики. Громадное расширение предметного поля исторических исследований вплотную подвело к порогу устойчивости истории как единой научной дисциплины, к развитию процессов ее фрагментации и дезинтеграции. Соответственно этому, имеет место глубокий кризис принятых ранее синтезных моделей объяснения исторического процесса. В области теоретико-методологических построений наблюдается то, что можно было бы назвать парадигмальным хаосом. Наряду с разработкой традиционных и новых синтезных объяснительных схем провозглашается полный релятивистский отказ от поиска глобальных исторических парадигм и агрессивное выдвижение концепций, прямо направленных на разрушение гносеологических основ и

всего традиционного образа истории, как дисциплины, реконструирующей прошлое в его наиболее существенных чертах [Могильницкий 1993: 7].

В российской исторической науке (включая северокавказскую и кабардино-балкарскую историографию) ситуация усугубляется неукорененностью традиций теоретико-методологического плюрализма и крушением теоретической монополии ортодоксальной советской версии марксизма. В результате, резкая политизация исторической науки и кристаллизация весьма острых граней идейно-политического плюрализма в сообществе российских историков несколько опередили процесс становления естественного плюрализма научно-теоретических подходов. Тем не менее он развивается, показателем чего служит довольно активное обсуждение теоретико-методологических проблем на страницах исторических журналов. Гораздо более тревожной, с точки зрения науки, представляется ситуация в сообществе историков Кабардино-Балкарии. Во-первых, здесь на первый план выступил не столько политический плюрализм, сколько этноцентристские тенденции и этнонациональное размежевание. Во-вторых, затянулось состояние своего рода «концептуальной апатии» историков Кабардино-Балкарии, активная разработка и широкое обсуждение проблем теоретико-методологического переоснащения исторической науки практически не начаты.

Между тем нельзя рассчитывать, что одно только расширение источниковой базы и фактических данных обеспечит дальнейшее продвижение и позволит идти в ногу с российской и мировой исторической наукой. В истории исторической науки континуитет, т.е. значительная преемственность фактической ее основы, сочетается с прерывностью, периодической сменой объяснительных схем, концептуальных структур, парадигм [Барг 1987: 18]. Современная познавательная ситуация воплощает скорее эту вторую сторону развития науки. Более того все шире утверждается представление о «нелинейности» процессов обновления научного знания, о невыводимости, принятых на данной стадии теорий, как особых способов символического представления действительности, из предшествующих этапов развития науки. Наиболее общие и фундаментальные проблемы возникают или «встают» перед историографией, как правило, не в связи с ее внутренним развитием, а в связи с глубокими изменениями окружающей исторической действительности.

Под таким углом зрения Ю.Н. Афанасьев рассматривал советскую историографию, характеризуя ее как «особый научно-политический феномен». За годы своего развития она накопила целую систему свойств и качеств, сформировала особый образ науки, собственные представления о критериях научности, функциях, задачах, назначении истории. Она создала свой пантеон актуальных тем и проблем и собственный язык. Между тем конец XX в. принес обществу целую серию новых идей и проблем, которые нынешней отечественной историографией, во многом еще связанной с советским периодом его развития не могут быть восприняты. Речь идет не о том, что она не способна решать те или иные проблемы, а о том, что она неспособна воспринимать эти проблемы как научные. Кроме того, советская историография была органическим элементом определенного типа

общественного развития. Кризис, в котором он оказался на исходе века, возможно преодолеть через изменение традиционалистских основ общества, раскрыть которые исторической науке не довелось [Афанасьев 1996: 165-166].

Этой оценке не откажешь в глубине и весомости. Вместе с тем здесь неявно подразумевается, что сам объект науки – реалии исторического прошлого – никак не отразился в ней, не повлиял на ее логику, проблематику, язык. Более обобщенный, и, пожалуй, более убедительный подход к анализу эволюции исторического знания развивал Н.И. Смоленский. Перерывы постепенности в развитии исторической теории он связывает с тем, что качественное развитие истории не завершено ни в одной из ее фаз, и эта незавершенность порождает необходимость переосмысления соотношении теории с развивающейся действительностью. Повороты истории, ее обновление могут приводить к развитию и обогащению одних теоретических положений, к отрицанию других и к возникновению иных вариантов теории, соотношение которых с наличным теоретическим наследием невозможно предугадать [Смоленский 1998: 8]. Но в конечном счете, любые теории нацелены на объяснение реально осуществившегося в прошлом исторического развития, фундаментальным свойством которого является инвариантность. Один из нескольких или единственно возможный вариант развития событий, реализованный в действительности, и есть ставшая, т.е. окончательная и неизменная с точки зрения последующего развития или познавательных интересов людей форма исторической реальности [Смоленский 1996: 5].

Не означает ли это, что одна-единственная, ставшая, история может быть адекватно описана и объяснена только на основе одной-единственной истинной теории? Такой вывод не содержится и не вытекает из рассматриваемой позиции. История у людей одна, замечает Н.И. Смоленский, но «она никого ни к чему не обязывает, ибо ни в теоретико-познавательном отношении, ни в социально-практическом плане не предписывает какого-либо однозначного к себе подхода» [Смоленский 1996: 5]. Более того, множественность, плюрализм теоретических и конкретно-исторических интерпретаций не только возможны, а неизбежны, и составляют естественную форму развития исторического знания. Во-первых, возможность и неизбежность плюрализма заложена в самой действительности, фундаментальными свойствами которой являются многообразие, многогранность каждого явления и неисчерпаемость, причем ни одно из этих качеств не может быть преодолено вполне в индивидуальном акте познания. Во-вторых, гносеологической основой плюрализма является активность позиции историка, которая неустранима из познания, и которая делает его подход к действительности избирательным [Смоленский 1998: 8-9].

Здесь становится очевидным, как думается, что адекватным способом осмысления современной познавательной, ситуации в области исторической науки может быть ее анализ с привлечением общего гносеологического содержания принципа дополнительности. Он был сформулирован Н. Бором как обобщение соотношения неопределенностей В. Гейзенберга для релятивистской квантовой механики, а в дальнейшем органически вошел в систему познавательных принципов синергетики. В контексте данной статьи

существенны два его основных аспекта. Во-первых, это отход от классического понятия объективности в физике, согласно которому существует единственное объективное описание, и оно является полным описанием системы «такой, как она есть», не зависящим от выбора способа наблюдения. Однако принципиальная невозможность одновременно зафиксировать и координаты и импульс объекта при квантово-механическом измерении заставляет выбирать измерительное устройство (макроскопический измерительный прибор) в соответствии с тем, что именно собирается измерить наблюдатель, т.е. в соответствии с вопросом на который требуется дать ответ. Результат измерения в этом смысле может быть представлен только как описание взаимодействия между квантово-механической системой и измерительным прибором, описание прибора входит как неустранимый элемент в описание объекта. Во-вторых, поскольку физику приходится каждый раз выбирать свой вопрос, свой язык, свой макроскопический прибор, то существует неустранимая множественность представлений системы. Ее физическое содержание не исчерпывается каким-либо одним теоретическим языком. Но различные языки и точки зрения на систему могут оказаться дополнительными. Все они связаны с одной и той же реальностью, но не сводятся к одному и тому же описанию. «Реальный урок, который мы можем извлечь из принципа дополненности (урок, важный и для других областей знания), – обобщают И. Пригожин и И. Стенгерс, – состоит в констатации богатства и разнообразия реальности, превосходящей изобразительные возможности любого отдельно взятого языка, любой отдельно взятой логической структуры. Каждый язык способен выразить лишь какую-то часть реальности» [Пригожин, Стенгерс 1986: 290].

Здесь надо подчеркнуть, что взаимная дополненность различных описаний достигается не простым их суммированием, а возможностью переходить с одного языка описания на другой. В свою очередь этот переход может происходить только на весьма высоком уровне обобщений, выявляющем логико-методологические основания (характеристики «измерительных средств») каждого из них. Следовательно, признание неустранимой множественности теоретических и конкретно-исторических интерпретаций не снимает вопроса о достижимости исторического синтеза. Поиски предпосылок для исторического синтеза ведутся в двух основных направлениях. На онтологическом уровне они связаны с постулированием либо обоснованием фундаментального единства предмета исторического познания (инвариантности прошлого, исторической закономерности, единства всемирно-исторического процесса, человеческого фактора т.п.). На гносеологическом уровне на первый план выдвигается поиск единства и границ истории как научной дисциплины через определение специфического для нее метода, способа представления реальности, каковым обычно признается исторический нарратив. Весьма перспективным здесь представляется тот анализ познавательных предпосылок исторического синтеза, который развивает И.Н. Ионов, опираясь на позднейшие разработки в рамках традиции немецкого историзма [Ионов 1995]. Причем этот анализ в значительной степени гносеологически адекватен принципу дополненности. В самом общем виде

речь идет о построении единой теории исторического времени, но важно учитывать специфику подхода к решаемой задаче.

Прежде всего, в современном контексте антропологизации истории по-новому ставится проблема человека не только как субъекта истории, но и субъекта исторического исследования, и вопрос о соотношении объективного и субъективного моментов в историческом знании ставится в центр анализа. Решение его основывается на понимании науки как инструмента адаптации человека к среде его деятельности, причем не только к внешней, но и духовной среде, к созданному самим человеком образу мира. С этой точки зрения всякое знание, в том числе историческое, представляет собой не только познавательный, но и компенсаторный механизм. Гуманитарная наука (подобно религии и философии) представляет собой инструмент преодоления разрыва между сущим и должным в мире [Ионов 1995: 21].

Активная позиция историка, стремление достичь соединения сущего и должного не в потустороннем, а в реальном мире приводит к тому, что в центр его внимания ставится воля человека в истории, историк организует исторические события как «свою» историю, историю своего народа и государства. Вне компенсаторной функции истории невозможно выявление ее смысла для познающего поколения, а значит невозможно достичь исторического синтеза. Если бы логика собственного времени историка не воздействовала на процесс исследования, то его результаты остались бы совершенно экзотичны и непонятны для современников, как по форме, так и по содержанию [Ионов 1995: 22-31].

Таким образом, предметом изучения историка является не просто прошлое, а прошлое, которое тесно связано с настоящим и будущим. Вопрос заключается в том, как в данном настоящем связаны временные измерения прошлого и будущего. Объектом исторического исследования становится «перевал во времени», процесс реорганизации прошлого и будущего по отношению к настоящему. Следствием такой постановки вопроса был вывод о множественности стратегий историка по отношению к исторической реальности и самое главное – о множественности его волевых проявлений, в числе которых изучение прошлого как предпосылки собственного настоящего является не единственным, а лишь самым простым вариантом. Исторический горизонт, как «горизонт ожидания» может быть перемещен и в область «не нашего» прошлого, не реализованных пока в широком масштабе, «спящих» исторических альтернатив. Целью такой операции может быть поиск возможных исторических предшественников для возможного будущего, в котором оказались бы разрешаемыми проблемы настоящего. Одновременно с предпосылками исторического синтеза здесь создаются предпосылки для преодоления кризиса ориентации, поразившего современное общество. Индивидуальный смысл истории для историка может объективироваться, войдя в историческое сознание общества и стать предпосылкой общественной деятельности [Ионов 1995: 32-33].

Тщательный анализ намеченных в указанном подходе путей к историческому синтезу особенно актуален для российской исторической науки

и отдельных национальных школ в ее рамках. В самом деле, расщепленное состояние исторического процесса (очередной модернизационный «рывок» России и новая фаза ее культурной колонизации Западом одновременно с постмодернизационным сдвигом на самом Западе и в ряде традиционных обществ) сопровождались глубоким духовно-идеологическим кризисом, который далеко не преодолен [Федотова 1996; Кара-Мурза и др. 1995]. Проявлялся он, согласно наиболее убедительным оценкам, в двух основных формах: а) в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижении уровня самооценки нации; б) в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей [Кара-Мурза и др. 1995: 6]. В этих условиях весьма глубокими представляются замечания В.Г. Федотовой о том, что социальные сдвиги требуют от историка установления связи времен и хранения и установления идентичности. (Кто мы? Куда идем? Как соотносимся со своим прошлым? Что ждет нас в будущем?). Идентичность, как самоощущенность, и вместе с тем нахождение более общего источника своих норм соединяет локальное и универсальное. Потеря идентичности ведет к утрате ценностей в масштабе общества, к потере смысла жизнедеятельности и доверия к себе. В точках разрыва, где идентичность разорвана реально, историк не может восстановить ее иначе, как на бумаге. Но он может проследить другие такие точки, опасные пределы потери самосознания. Его исследования по отечественной истории и есть история идентичности и самосознания, каким бы конкретным предметом он ни был занят [Федотова 1996: 61].

Наблюдения за текущим состоянием и северокавказской историографии, и историографии Кабардино-Балкарии подтверждают актуальность для них отмеченных выше тенденций. В различной степени тяготея к научности или к мифологизации, историки так или иначе пытались решить четыре фундаментальные проблемы. Во-первых, проблему реконструкции прошлого как собственной истории, как особого исторического пути, самостоятельно пройденного народами Северного Кавказа. Во-вторых, это подводило к неизбежности к поиску форм представления народов региона в качестве субъектов исторического процесса, а не «этнографического материала» или объекта исторического творчества каких-либо внешних сил. В-третьих, возникла необходимость переосмыслить соотношение разрывов и преемственности в историческом развитии, соотношение традиции, современности и перспектив жизни народов региона в рамках целостных концепций их национальной истории. В-четвертых, явно ощущалась потребность найти такое содержание концепций национальной истории, которое могло бы воплотиться в формы общественного сознания, стать инструментом ориентации и предпосылкой общественной практики.

Таким образом, синергетические принципы нельзя просто ввести в область исторического адыговедения и истории Кабардино-Балкарии взамен каких-либо «устаревших» подходов. Они могут выступить как некий дополнительный способ описания и интерпретации исторического процесса, способствующий более полному осмыслению исторического опыта

современных адыгов и балкаро-карачаевцев. Но целостность исторического опыта (как проявление континуитета, преемственности в историческом развитии) и единство исторического субъекта этого опыта (как проявление его самоидентичности) представляют собой не эмпирическую данность, а проблему, искомый результат научной реконструкции исторического процесса.

Конкретный вид, который приобретает эта проблема зависит от гносеологической, культурной и гражданской идентичности субъекта исторического исследования, от самосознания и позиции историка. Они проявляются в его представлениях о настоящем и будущем названных выше этно-региональных систем, и о природе основных структурных компонентов их составляющих. В основе же этих представлений лежат ценностные ориентации историка, его отношение к элементам традиционного и современного в структуре этих систем, к дифференцирующим и интегрирующим тенденциям в их развитии.

### **Историческая траектория адыгского этносоциального ареала в терминах синергетики**

Имеет смысл начать очерк исторической траектории адыгского мира и Кабардино-Балкарии «в терминах синергетики» с определения ее периодизационной схемы. Она должна опираться на утвердившиеся в историографии представления о значимых вехах исторического развития и вместе с тем последовательно воплощать общую логику «стационарно-разрывных» моделей исторической периодизации, с четким выделением периодов стационарного (устойчивого) состояния, интересующих нас исторических систем и «разрывов» между ними, т.е. переходных периодов интенсивных социально-политических и культурных сдвигов [Савельева, Полетаев 1997].

С этой точки зрения в общем представлении адыгской истории выделяются три крупные эпохи [Исторический очерк 2006].

Во-первых, это эпоха генезиса и становления традиционного адыгского мира и традиционной Кабарды и Балкарии (до XV в.).

Во-вторых, эпоха зрелости и кризиса традиционного адыгского мира; эпоха исторической Кабардино-Балкарии (XVI – начало XX в.).

В-третьих, современная эпоха, эпоха социально-политической интеграции адыгской этно-региональной системы в Российское большое общество, эпоха модернизации и этнонациональной консолидации современных адыгских народов, эпоха современной Кабардино-Балкарии (1917 – конец XX в.).

В контексте этой работы представляет интерес и более детальная периодизация традиционной и современной эпохи с обозначенных выше позиций.

В рамках традиционной эпохи можно, таким образом, выделить 1) XVI-XVIII вв., как период устойчивого воспроизводства традиционной этно-региональной системы; 2) 1790-1860-е годы, как период ее разрушений и

кризиса; 3) 1870-1917 год как период стабилизации и первичной адаптации адыгской и кабардино-балкарской этно-региональных систем в новой социально-политической среде.

В рамках современной эпохи выделяются 1) 1917-1950-е годы, как период интенсивной перестройки институциональной, социальной, культурной сфер воспроизводства этно-региональных систем; 2) 1960-1980-е годы как период модернизации и активного освоения этническими сообществами социального и культурного пространства большого советского общества; 3) 1990-е годы как кризисный и переходный к новому социальному порядку период.

Достаточно очевидно, что эта схема соответствует и синергетическому представлению истории системы, как нелинейной траектории, которая характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где развитие приобретает вероятностную природу [Пригожин, Стенгерс 1986: 227]. Это неудивительно, ибо вряд ли надо доказывать, что в истории адыгской и кабардино-балкарской этно-региональных систем роль «переключателя», открывающего очередной переходный период и уводящего от равновесия, играли каждый раз экзогенные для них, т.е. внутренне недетерминированные факторы. По этой причине попытка описания их исторической динамики в «терминах синергетики» может иметь определенный смысл.

Для устойчивых областей исторической траектории основные вопросы будут связаны, видимо, с анализом механизмов их интеграции и воспроизводства, факторов структурной устойчивости, с выявлением социального центра тяжести изучаемых систем. Для неустойчивых областей на первый план выступает описание процессов самоорганизации и анализ сопутствующих им явлений (параметры порядка, когерентность социального поведения, структурные предпосылки адаптации систем к среде). Следует подчеркнуть, в общем плане, что если в неустойчивой, кризисной фазе не прослеживаются процессы самоорганизации и адаптации, то нельзя говорить о продолжении истории данной системы. Наконец, общая интерпретация исторической динамики как нелинейного процесса подразумевает, во-первых, что система эволюционирует в пределах «собственного фазового пространства», демонстрируя преемственность своих базовых конфигураций, а во-вторых, что она развивается, приобретая все более сложные «диссипативные» структуры.

Дальнейшее изложение построено с учетом высказанных соображений. Целостность адыгской этно-региональной системы в период ее зрелости (XVI-XVIII вв.) обеспечивалось весьма сложным (и неодинаковым для различных сфер общественной жизни) сочетанием вертикальных и горизонтальных связей. Но в обобщенном выражении ей был скорее присущ своеобразный горизонтальный тип социетальной интеграции. Здесь отсутствовало единое для адыгского мира пространственное и функциональное средоточие центральных институтов политической и культурной системы, а следовательно отсутствовала и периферия. Множество вертикальных иерархических

социально-политических связей, присущих любому традиционному обществу с достаточно дифференцированной социальной структурой, сходилось в вершинных точках локальных структур и политических сегментов этно-региональной системы. Все вертикальные социополитические структуры, связи и зависимости замыкались и легитимировались в едином культурном горизонте. Базовая для него система ценностно-нормативная система выполняла функции «параметров порядка», основного фактора интеграции и регулирования всех видов социальных взаимодействий внутри адыгского мира.

Основной социальной единицей, местом сгущения всех социальных связей и средоточием отправления почти всей полноты функций социокультурного воспроизводства выступала адыгская деревня, вотчина-община. С этим связана важная особенность сферы трансляции социальных традиций и поддержания ценностно-нормативных образцов традиционной культуры, а именно – неспециализированность, синкретизм общественных и культурных функций различных социальных групп и институтов. Но адыгское общество не может быть сведено к локальной общине, ибо в рамках отдельных социальных единиц указанные функции легитимировались именно этносоциальной традицией и отнесением к общеадыгскому культурному миру.

Явно выраженная культурная однородность адыгского этнического ареала составляла основу еще двух факторов его интеграции. Во-первых, внутри него существовала весьма высокая степень осознания общеадыгской идентичности и «выделенности» из социокультурного окружения. Возможно, это объясняется длительным историческим опытом выживания в динамичной и часто «агрессивной» этнополитической среде, а также тем, что адыгский мир так и не был интегрирован в более широкие культурно-цивилизационные общности (христианскую или исламскую). Традиционная культура адыгов носила именно этнический характер. Во-вторых, благодаря этим обстоятельствам, довольно четкая территориально-политическая локализация субэтнических групп в принципе не препятствовала демографическому обмену и поддержанию «дальнодействующих» (в масштабах общеадыгского пространства) видов социально-политических связей.

Феодално-иерархические структуры и отношения выступали в качестве основного механизма интеграции надобщинных, надвотчинных социально-политических единиц (территориально-политических образований). Но они же прочно блокировали тенденции к политической консолидации в более широких масштабах.

Стабилизация адыгской этно-региональной системы в окружающей социально-политической среде обеспечивалась гетерогенным и достаточно сложным механизмом. Прежде всего, она имела не четко очерченные и жесткие внешние границы, а скорее размытые и подвижные «рубежи» (в терминологии Э. Гидденса). Отношения с непосредственным этносоциальным и этнополитическим окружением поддерживались через устойчивые, институализированные формы социально-политического «сцепления» с ним по всему периметру адыгского мира. Напротив, в отношениях с более отдаленными, но могущественными геополитическими центрами притяжения

действовала своего рода система взаимодействия-отталкивания, воплощающаяся в неинституализированном, конъюнктурном поведении субъектов политической активности, каковыми являлись по преимуществу группировки феодальной элиты.

Таким образом, адыгская этно-региональная система в «классический» период традиционной эпохи (XVI-XVIII вв.) – это своеобразный исторический феномен. Она представляла собой нечто большее, чем только этническая общность и нечто иное чем общество, а тем более государство. Думается, что к ней применимо понятие «цивилизация» том смысле, в каком его применяли основоположники школы «Аналлов». Под цивилизацией они имели в виду социокультурную целостность произвольного масштаба, воплощенную в образе жизни и типе ментальности, которые, в свою очередь, связаны с естественно-географической, демографической и социально-политической средой, с хозяйственно-экономическими и политическими способами выживания в условиях этой среды [Ионов 1994: 45]. Может быть, терминологически предпочтительнее понятие «социоцивилизационной системы» (Ш. Айзенштадт). С одной стороны, оно акцентирует первичность социокультурных критериев идентификации системы, а с другой – более отчетливо указывает на ее локальный, маломасштабный характер.

Относительная рыхлость, как бы «делимость» социально-политического тела адыгской социоцивилизационной системы порождала ее особую уязвимость и проблематичность воспроизводства ее пространственной и временной целостности в случае столкновения с достаточно мощным, проникающим и жестким воздействием извне. Но ввиду неспециализированности, синкретизма функций социокультурного воспроизводства в адыгском обществе его отдельные подсистемы, структурные единицы и институты могли выступать носителями более или менее целостного генетического кода традиционной социоцивилизационной системы. Она допускала как бы передачу социокультурной эстафеты через те или иные социальные подсистемы, в зависимости от характера внешних воздействий и эволюции внутренней социальной структуры при неизбежном накоплении трансформирующих ее сдвигов. Разрывы общеадыгского социокультурного пространства не обязательно должны были повлечь немедленную и полную утрату внутреннего культурного качества адыгского социума, интегрированного хотя бы в пределах субэтнических и даже локальных образований. С этим связан достаточно высокий потенциал выживаемости традиционной культурной системы и ее адаптивности к модернизационным факторам внешнего происхождения.

Если понимать адыгскую этно-региональную систему как особое социоцивилизационное образование, то становится очевидным, что проблематика всего периода имперского военного натиска и включения адыгского ареала в административно-политическую систему Российского государства (1790-е – 1860-е годы) не может быть описана только в терминах политической истории. Дело далеко не сводится к утрате независимости, т. е. контроля над собственной территорией. Целостность и самодостаточность

адыгской социоцивилизационной системы испытывали напряжение и по другим, может быть, более значимым измерениям.

Главное – произошло отчуждение базовых функций традиционной культурной системы по легитимации нормативного порядка в обществе. Эти функции были узурпированы колониальной административно-политической надстройкой над традиционным обществом. Масштабы неизбежной дезорганизации общественных отношений и глубина кризиса традиционных общественных институтов глубоко исследованы на примере Кабарды [Кажаров 1994]. Дальнейшая эволюция адыгской этно-региональной системы в пределах ее «собственного фазового пространства», т.е. продолжение ее истории за пределами этого кризисного периода могут быть поняты как результат действия механизмов самоорганизации и самосохранения этнического социума, позволивших стабилизировать некий новый порядок ее интеграции и воспроизводства.

В принципиальном плане перед адыгской этно-региональной системой возник выбор между двумя возможными вариантами становления новой структуры, в зависимости от того, какой тип когерентного социального действия в ней возобладает. Когерентность как политическая консолидация и единство в борьбе за независимость могла быть порождена только активностью контрэлит, способных бросить вызов традиционной феодальной аристократии, и она могла сложиться только вокруг новых социокультурных символов, диктующих существенную перестройку традиционного нормативного порядка в обществе. Подобная тенденция реально проявила себя – в «шариатском движении» в Кабарде, в «демократическом перевороте» и дальнейших попытках политической консолидации у западных адыгов. Но массовое поведение и элит и низов оставалось устойчиво когерентным лишь в плане следования нормам и правилам социокультурной традиции. Она не требовала и, более того, не допускала установления общеадыгских политических связей, координации и институционализации политической целостности адыгского этнического социума. Его самоорганизация оказалась возможной только в пределах локальных социальных организмов. На исходе Кавказской войны адыгская этно-региональная система оказалась в хаотическом состоянии. «Выбор» между подчинением макросоциальным «управляющим параметрам», привносимым извне российским государством и попыткой «уйти» от них совершался на микросоциальном уровне отдельных индивидуумов и общин и не приобрел общеадыгского охвата. В результате адыгская этно-региональная система в ее исходном социоцивилизационном качестве была разрушена.

Вместе с тем социальная конфигурация адыгской этно-региональной системы в новой фазе ее устойчивого состояния (1870-1917 гг.) была такой, что можно говорить о ее базовой структурной преемственности по отношению этносоциальной традиции.

Прежде всего, сохранился традиционный социальный центр тяжести ее общественной организации. Хозяйственно-экономический строй и социальная структура адыгской деревни, как социальной формы, в которой реализовались

функции демографического и социокультурного воспроизводства не подверглись кардинальной перестройке или разрушению.

Не произошло также радикальной ломки или перестройки ментальных структур и традиционных культурных форм как способов духовного освоения реальности. Способом преодоления «культурного шока», вызванного столкновением адыгского сельского населения с социальными и культурными формами иного порядка стала не столько ассимиляция, сколько культурная «геттоизация», если использовать термины социологии культуры [Ионин 1996: 17].

Крестьянская семья и фамильная организация оставались основными элементами социальной структуры и носителями функций межпоколенной трансмиссии традиционных социокультурных образцов. То есть структурная устойчивость имела место на микросоциальном уровне. Однако не приходится говорить, что адыгская этно-региональная система обрела более сложную, «диссипативную» макросоциальную структуру. Напротив, она оказалась фрагментированной, раздробленной в территориальном плане, и усеченной, неполной в плане социально-политическом. В силу этого не могла быть реализована в полной мере и функция активного приспособления к изменившейся социально-политической среде. Адаптация к ней адыгского этнического социума была еще в эти годы только первичной, пассивной. Он приобрел характеристики своеобразного социокультурного анклава в имперском экономическом и культурном пространстве.

Предпосылки обретения им новой более сложной структуры, позволяющей активно осваивать макросоциальную среду модернизирующейся России, проявлялись в самых ограниченных масштабах и включали в себя:

- спорадические факты индивидуальной социальной мобильности на основе получения образования, государственной службы и предпринимательской деятельности;
- первичную социализацию новых поколений в «эkleктичном» нормативном порядке;
- некоторое расширение каналов культурного взаимодействия с окружающим миром и расширение групп этнической интеллигенции, как носителей функций освоения и передачи чужого опыта.

Адыгская этно-региональная система в этот период может быть достаточно полно описана в терминах этнографии, т.е. именно как этническая общность, как этнос, рассредоточенный между несколькими ареалами компактного проживания.

В 1920-1950-е годы адыгская этно-региональная система оказалась ввергнутой в неустойчивое состояние вновь в результате резких изменений социально-политической и культурно-идеологической среды, в то время как этнический социум был в самом начале процесса адаптации к ее прежним условиям.

Специфика этого периода связана с тем, что активное воздействие среды на автономные институты и элементы этнической культуры приобрело чрезвычайно интенсивный и постоянный характер. Источником такого

давления была универсалистская идеология, нацеленная на осуществление в сжатые сроки социалистической модернизации, причем не только «построение нового общества», но и «воспитание нового человека». Сферами его воздействия, пусть в неравной мере, но стали – ценностно-нормативное содержание, познавательные модели и коммуникативные аспекты традиционной культуры, технико-экономические основы и организационно-политические формы воспроизводства общественной жизни, микроструктуры общества, механизмы социализации и личной самоидентификации его членов.

Предпосылки перехода к новому порядку и устойчивому состоянию этно-региональной системы накапливались в различных формах.

С одной стороны, до конца 1950-х годов сохранялись аграрный тип экономической и этносоциальной организации, деревенская специфика жизни и традиционный тип патриархальной малой семьи. Наследие традиционной культуры фиксировалось в глубинных ментальных структурах массового сознания, в бытовой и обрядовой сторонах повседневной жизни. Вместе с тем каналы культурного взаимодействия, как проводники современной светской и сциентистской культуры, пронизали собой всю толщу этнического социума.

С другой стороны, зависимость воспроизводства даже первичных социальных ячеек от их включенности в механизмы советской системы породила своеобразную адаптивную когерентность массового социального поведения. Такая возможность была заложена в нерелигиозном, «инструментальном» характере традиционной культуры, оставлявшем место для широкого набора допустимых промежуточных целей и автономного индивидуального жизненного поведения. А восстановление на новой основе полной социально-политической структуры этнического социума с пирамидальной иерархией социальных статусов и ролей, открывало возможности восходящей социальной мобильности без выхода за его рамки. Накопление «критической массы» партийно-государственной, хозяйственно-управленческой и культурной этнической элиты, запустившее механизм ее самовоспроизводства – важнейший результат процессов самоорганизации этнического социума.

Три десятилетия с начала 1960-х и до конца 1980-х годов были временем значительных изменений, связанных с интенсивной модернизацией социально-экономических структур в адыгской этно-региональной системе. Тем не менее они составляют на ее исторической траектории устойчивую область, стационарный период ее развития, поскольку оно осуществлялось в тех институциональных и культурных формах, которые были заданы предыдущим, переходным от традиции к современности, периодом.

Можно ли говорить, что эволюция адыгской этно-региональной системы происходила в пределах ее «собственного фазового пространства» и была преемственной по отношению к традиции? Видимо да.

Прежде всего, структуры национальной государственности стали не просто символическим воплощением этнической идентичности, а важнейшим элементом социально-политических и культурных механизмов этнонациональной консолидации современных адыгских народов. Причем они

несли определенную преемственность по отношению к историческим субэтническим центрам в адыгском этнополитическом ареале. Они несли также важные функции торможения процессов национальной ассимиляции – прежде всего, через институциональное закрепление этнической идентичности, самодетельных и профессиональных форм воспроизводства «национальной культуры», а также через поддержание функциональности ценностно-нормативных и коммуникативных аспектов традиционной этнической культуры.

Рационалистическое обоснование преемственной связи современности с этнокультурной традицией в научных концепциях прогрессивного исторического развития народов и действие новых факторов этнонациональной консолидации (в частности, массовая образованность и расширение слоя национальной интеллигенции) привели к тому, что сознание исторической преемственной связи с традиционным адыгским миром стало важнейшим элементом национальной идентичности современных адыгских народов.

Представляется, что для этой фазы может идти речь об обретении адыгской этно-региональной системой более сложной, «диссипативной» структуры. Во-первых, традиционная культура оставалась фактором горизонтальной интеграции этнического социума и сохраняла значимые социорегулятивные функции. Вместе с тем механизмы социализации на всех уровнях (включая семью) были переориентированы на активное освоение жизненных шансов в рамках большого советского общества. Традиционные этнические структуры, лояльности и нормы действовали как функциональный ресурс, обеспечивающий индивидуальную социальную мобильность и успех на «рынке» социальных статусов и ролей. Во-вторых, производственный базис и социальная структура общества приобрели сложный, дифференцированный характер; резко возросли социальная и географическая мобильность, интенсивность и многообразие социальных взаимодействий; повысилась интегрированность, адаптивность и способность социальной системы к самовоспроизводству. В-третьих, социетальная интеграция получила институциональное оформление в автономной политической системе; этнический социум вышел за пределы локальных социальных единиц и «заполнил» свою национально-государственную форму. Четко обозначились признаки консолидации национальных обществ и протополитий. В-четвертых, сложилась развитая система каналов культурного взаимодействия с окружающим миром, причем агентами этого взаимодействия выступают не только элиты, но и массовые слои населения. «Жизненный мир» личности и культурная система социума приобрели синкретический характер, соединяющий элементы традиционного (этнического) и современного (интернационального).

Адыгская этно-региональная система на этой фазе своего исторического существования может быть описана как сообщество современных адыгских народов.

## История Кабардино-Балкарии как смена форм порядка

С точки зрения анализируемого в этой статье методологического подхода история адыгов, балкаро-карачаевцев и история Кабардино-Балкарии должны отвечать требованиям принципа дополнительности. Допущение логически непротиворечивого перехода от одного из этих способов представления исторической реальности к другому может выступать как критерий их научности. Можно полагать, что адыги и балкаро-карачаевцы на Северном Кавказе образовывали однотипные этно-региональные исторические системы и описанные выше механизмы эволюции адыгской этно-региональной системы так или иначе срабатывали в истории балкаро-карачаевцев.

Очевидно, далее, что Кабардино-Балкария может рассматриваться как особая этно-региональная историческая система. При этом важно учитывать две специфические характеристики механизмов ее интеграции и воспроизводства. Во-первых, она выделяется не по критерию социокультурной целостности, а по критерию устойчивой территориальной связанности. Различные аспекты и механизмы этой связанности – хозяйственно-экономические, социально-политические, демографические, социокультурные – в ходе исторического развития приобрели в значительной степени самовоспроизводящийся характер и, в данном случае, вполне правомерен анализ в духе «географического детерминизма». Но, во-вторых, основные субъекты истории Кабардино-Балкарии – ее народы – не могут быть отделены в социокультурном плане от своих более широких этнических миров. Таким образом, Кабардино-Балкария представляет собой историческую область устойчивого взаимодействия адыгской и балкаро-карачаевской этно-региональных систем как социокультурных целостностей, а ее историческая траектория соответствует эволюции форм социально-политической организации и упорядочения этого взаимодействия.

«Историческая» Кабардино-Балкария XVI-XVIII вв. сложилась как результат «автохтонной» самоорганизации и поддержания упорядоченных отношений между Кабардой и Балкарией, а вся их совокупная территория представляла собой область весьма однородного традиционного социального порядка. Феодално-вассальные отношения, покровительство, аталычество, установление родственных связей и т.д. и т.п. были единственно возможными тогда формами социальных взаимодействий, определявшими внутренний строй кабардинского и балкарского общества, которые естественным образом проецировались на их взаимные отношения. Их установление означало для обеих сторон стабилизацию понятного и естественного порядка в ближайшей социально-политической среде. Эту фазу можно обозначить как фазу автохтонного традиционного порядка в истории кабардино-балкарской этно-региональной системы.

На следующем этапе (1790-1860), когда возможности вполне самостоятельного упорядочения взаимных отношений Кабарды и Балкарии были утрачены, но исторически сложившийся хозяйственно-экономический и

социокультурный их уклад не претерпел радикальных изменений, функционировала система, которую можно было бы обозначить как традиционный порядок интеграции и воспроизводства кабардино-балкарской этно-региональной системы, опосредованный контролем извне.

Окончательное утверждение в 1860-е гг. имперской административно-политической системы имело своим следствием стабилизацию (в 1870-х – 1917 гг.) порядка, параметры которого задавались извне. Однако, в известном смысле, это был консервативный порядок, поскольку он не трансформировал существенным образом структуры жизнедеятельности сельских обществ. В это время Кабарда и Балкария выступают как этносоциальные и этнокультурные ареалы в пределах этнически обезличенной административной единицы – Нальчикского округа в составе Терской области, а их взаимодействие приобретает характер собственно межэтнических отношений.

Кабардино-Балкария, включенная в жестко централизованную партийно-государственную систему СССР 1920-х – 1950-х гг., может рассматриваться как область заданного советским государством порядка, который носил динамичный характер, направленный на мобилизацию и интеграцию этнических социумов в процессы социалистической модернизации и в советскую партийно-государственную систему. Важно однако, что при полном выхолащивании реального политического содержания национальной государственности в этот период складываются символические, экономические и социально-культурные условия этнонациональной консолидации кабардинского и балкарского народов.

В 1960-1980-е гг., в условиях позднего госсocialизма, восстановления полной социально-политической структуры кабардинского и балкарского народов, расширения и усложнения состава национальных элит, сосредоточивших в своих руках достаточно широкий набор функций общественного управления, складывается опосредованный развивающий и интегрирующий порядок функционирования кабардино-балкарской этно-региональной системы. Вместе с тем в этот период складываются предпосылки возможной этнополитической консолидации Кабарды и Балкарии, обретающих инфраструктуру национальных обществ.

Крушение государственной и общественной системы советского социализма открыло современную фазу автономного политического порядка в истории кабардино-балкарской этно-региональной системы. Перспективы ее дальнейшей эволюции главным образом определяются двойственностью и незавершенностью процессов социокультурного и политического развития кабардинского и балкарского народов – сосуществованием дивергирующей тенденции к их национально-политической консолидации на этнической основе и интегрирующей тенденции к социетальной и политической консолидации на гражданской основе в рамках многонациональной протополитии – единой Кабардино-Балкарской Республики.

### Заключение

Выводы, которые можно сформулировать на основе предшествующего анализа представляются достаточно простыми, но не тривиальными.

Что касается фундаментального уровня теории исторического процесса, то суть дела не в том, что синергетика «подтверждает» отсутствие всецело детерминированного, законосообразного линейно-поступательного развития и, напротив, присутствие элементов неопределенности, альтернативности в истории адыгской и кабардино-балкарской этно-региональных систем. Синергетический подход – и это главное – прямо подводит к постановке вопроса о том, какие механизмы самоорганизации сработали в каждой неустойчивой области исторической траектории и как следует описывать новое состояние системы. Смысл этого вопроса не в пересмотре прошлого – содержание исторического процесса предстает здесь в конечном счете как инвариант, но анализ альтернатив и механизмов развития с позиции синергетики позволяет индивидуализировать, сделать полнее и многозначнее его понимание.

Пройдя длительный путь культурного, социального и политического становления адыгский мир приобрел, по меньшей мере в XV в., устойчивые очертания региональной социоцивилизационной системы. Совокупность ментальных, культурных и социальных форм ее воплощения составила «классический пласт» адыгской исторической традиции и легла в основу этнокультурной идентичности современных адыгов. К концу XIX в. пространственная целостность и социально-политическая автономность традиционного адыгского мира были разрушены. Но сохранились устойчивые этнокультурные традиции и осознанное культурно-историческое единство раздробленных фрагментов прежнего адыгского этнического массива. Иными словами, воспроизводство исторической этно-региональной системы реализовалось теперь в жизнедеятельности адыгского этноса. На протяжении XX в. он испытывал беспрецедентно интенсивное и «проникающее» воздействие идущих извне модернизационных (или, по меньшей мере, антитрадиционалистских) факторов. Активная адаптация к ним через механизмы и формы самоорганизации, выводящие за пределы этнокультурной традиции, но преемственные по отношению к ней, стала условием его самосохранения. В результате, адыгская этно-региональная система приобрела современную усложненную структуру сообщества адыгских народов.

Признание нелинейности индивидуальной исторической траектории данной этно-региональной системы выявляет недостаточность интуитивно-априорных представлений о единстве (преемственности) ее исторического бытия. С одной стороны, требуется специальный анализ, демонстрирующий, что ее движение на каждой значимой фазе исторической эволюции происходило в пределах ее «собственного фазового пространства». С другой – возникает проблема выявления «структур большой длительности», связывающих и в объективном (природно-географическом, хозяйственном,

институциональном) и в субъективном (ментальном, этнокультурном) плане современную эпоху адыгской и кабардино-балкарской истории с традиционной и архаической эпохами.

Реконструкция (хотя бы в первом приближении) механизмов и форм самоорганизации этнического социума на кризисных, неустойчивых фазах исторической траектории позволяет по новому представить соотношение внутренних и внешних, социально-экономических и социокультурных факторов его исторической эволюции. Есть достаточно оснований полагать, что когерентность (единообразие и согласованность) социального поведения в переломных ситуациях задавалась единым горизонтом этнической культуры, что необходимость адаптации к динамичной и весьма активной внешней среде определяла точки притяжения (аттракторы), вокруг которых стабилизировались новые, «наиболее вероятные» конфигурации общественных структур, что основным механизмом адаптации выступало культурное взаимодействие, что, соответственно этому, основной функцией возникающих диссипативных (развитых, более сложных) структур оказывалось повышение степени коммуникативности культуры т.е. формирование каналов и агентов культурного взаимодействия, развитие способности воспринимать и передавать опыт, обогащать и универсализировать собственные культурные смыслы.

Таким образом, применительно к адыгской и кабардино-балкарской истории можно было бы сказать, что их преемственный исторический субъект, который на каждой фазе развития поддается описанию в качестве целостной и автономной системы, находящейся во взаимодействии со своей исторической средой, есть социокультурный субъект. В то же время историческая Кабардино-Балкария образует специфическую пространственную и временную целостность именно как область устойчивого порядка, воспроизводство и обновление которого есть результат самоорганизации ее народов.

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев 1996 – *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 144-168.

Барг 1987 – *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 354 с.

Бородкин 2016 – *Бородкин Л.И.* Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. – СПб.: Алетейя, 2016. – 303 с.

Валлерстайн 1997 – *Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не меняется? // Социс. Социологические исследования. – 1997. – № 1. – С. 8-21.

Гидденс 1993 – *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 57-82.

Гомаюнов 1994 – *Гомаюнов С.А.* От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 99-106.

Губин 2006 – *Губин В.Б.* Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки / отв. ред. Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 110-119.

Ионин 1996 – *Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – 280 с.

- Ионов 1994 – *Ионов И.Н.* Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4-5. – С. 33-50.
- Ионов 1995 – *Ионов И.Н.* На пути к теории цивилизации (познавательные предпосылки и трудности исторического синтеза) // Цивилизации. Вып. 3. – М.: Наука, 1995. – С. 15-37.
- Исторический очерк 2006 – *Исторический очерк* // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 55-312.
- Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. – 438 с.
- Капица и др. 1997 – *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1997. – 285 с.
- Кара-Мурза и др. 1995 – *Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 6-17.
- Князева 2009 – *Князева Е.Н.* Синергетика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон<sup>+</sup>» РОССИИ «Реабилитация», 2009. – С. 861-862.
- Козлова, Смирнова 1995 – *Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социс. Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 12-22.
- Круглый стол... 2006 – *Круглый стол* «Синергетика: перспективы, проблемы, трудности» // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 3-33.
- Ласло 1993 – *Ласло Э.* Рождение слова – науки – эпохи // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 25-30.
- Могильницкий 1993 – *Могильницкий Б.Г.* Между объективизмом и релятивизмом: Дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. – 1993. – № 5. – С. 3-17.
- Пригожин 1985 – *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
- Пригожин 1991 – *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-57.
- Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
- Савельева, Полетаев 1997 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
- Сапронов 2001 – *Сапронов М.В.* Концепции самоорганизации в общественности: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 148-161.
- Семёнов 1996 – *Семёнов Ю.И.* Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее // Новая и новейшая история. – 1996. – № 3. – С. 80-84.
- Семёнов 1997 – *Семёнов Ю.И.* Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. – 1997. – № 1. – С. 156-217.
- Смит 1997 – *Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 154-161.
- Смоленский 1996 – *Смоленский Н.И.* Возможна ли общеисторическая теория? // Новая и новейшая история. – 1996. – № 1. – С. 5-11.
- Смоленский 1998 – *Смоленский Н.И.* Проблемы теоретического плюрализма // Новая и новейшая история. – 1998. – № 1. – С. 6-18.
- Стёпин 2007 – *Стёпин В.С.* О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 97-102.

- Стёпин 2009 – *Стёпин В.С.* Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон<sup>+</sup>» РОИИ «Реабилитация», 2009. – С. 560-566.
- Федотова 1996 – *Федотова В.Г.* Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6. – С. 61-75.
- Хакен 1991 – *Хакен Г.* Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
- Хакен 2003 – *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. – М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с.
- Хвостова 1995 – *Хвостова К.В.* Способы функционирования Византийской цивилизации во времени // Цивилизации. Вып. 3. – М.: Наука, 1995. – С. 189-198.
- Чернавский 2004 – *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация (динамическая теория информации). – М.: Editorial URSS, 2004. – 288 с.
- Шевлоков 1999 – *Шевлоков В.А.* Новые горизонты синергетических исследований: социосинергетика // Мир этноса (аспекты и методы исследования). – Нальчик: Б.и., 1999. – С. 6-29.
- Gaddis 2002 – *Gaddis J.L.* The Landscape of History. How Historians Map the Past. – New York: Oxford University Press, 2002. – 192 p.
- Stone 1987 – *Stone L.* History and the Social Sciences in the Twentieth Century // Stone L. The Past and the Present Revisited. – London and New York: Routledge, 1987. – P. 3-44.

## REFERENCES

- AFANAS'EV Yu.N. *Fenomen sovetskoi istoriografii* [Phenomenon of soviet historiography]. IN: *Otechestvennaya istoriya*. – 1996. – No. 5. – P. 144-168. (In Russian)
- BARG M.A. *Epokhi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and ideas: The forming of historicism]. – М.: Mysl', 1987. – 354 p. (In Russian)
- BORODKIN L.I. *Modelirovanie istoricheskikh protsessov: ot rekonstruktsii real'nosti k analizu al'ternativ* [Modeling of historical processes: from the reconstruction of reality to the analysis of alternatives]. – Spb.: Aleteiya, 2016. – 303 p. (In Russian)
- CHERNAVSKII D. S. *Sinergetika i informatsiya (dinamicheskaya teoriya informatsii)* [Synergetics and Information (dynamic theory of information)]. – М.: Editorial URSS, 2004. – 288 p. (In Russian)
- FEDOTOVA V.G. *Metodologiya istorii segodnya* [Methodology of history today]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1996. – No. 6. – P. 61-75. (In Russian)
- GADDIS J.L. *The Landscape of History. How Historians Map the Past*. – New York: Oxford University Press, 2002. – 192 p. (In English)
- GIDDENS A. *Devyat' tezisov o budushchem sotsiologii* [Nine theses on the future of sociology]. IN: *THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. – 1993. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 57-82. (In Russian)
- GOMAYUNOV S.A. *Ot istorii sinergetiki k sinergetike istorii* [From the history of synergetics to the synergetics of history]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 1994. – No. 2. – P. 99-106. (In Russian)
- GUBIN V.B. *Pseudosinergetika – noveishaya lzhenauka* [Pseudo-synergetics – newest pseudo-science]. IN: *V zashchitu nauki / otv. red. E.P. Kruglyakov* [In defense of science / E.P. Kruglyakov ed.]. – М.: Nauka, 2006. – P. 110-119. (In Russian)
- HAKEN H. *Informatsiya i samoorganizatsiya. Makroskopicheskii podkhod k slozhnym sistemam* [Information and Self-Organization. A Macroscopic Approach to Complex Systems]. – М.: Mir, 1991. – 240 p. (In Russian)
- HAKEN H. *Tainy prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodeistvii* [Secrets of Nature. Synergetics: Science of Interaction]. – М.; Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2003. – 320 p. (In Russian)
- IONIN L.G. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. – М.: Logos, 1996. – 280 p. (In Russian)

IONOV I.N. Na puti k teorii tsivilizatsii (poznatel'nye predposylki i trudnosti istoricheskogo sinteza) [Towards a theory of civilization (cognitive prerequisites and difficulties of historical synthesis)]. IN: *Tsivilizatsii. Vyp. 3* [Civilizations. 3d issue]. – M.: Nauka, 1995. – P. 15-37. (In Russian)

IONOV I.N. *Teoriya tsivilizatsii: etapy stanovleniya i razvitiya* [Theory of civilization: stages of forming and development]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1994. – No. 4-5. – P. 33-50. (In Russian)

Istoricheskii ocherk [Outline of history]. IN: *Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (Circassian) encyclopedia]. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – P. 55-312. (In Russian)

KAPITSA S.P., KURDYUMOV S.P., MALINETSKII G.G. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and future forecasts]. – M.: Nauka, 1997. – 285 p. (In Russian)

KARA-MURZA A.A., PANARIN A.S., PANTIN I.K. *Dukhovno-ideologicheskaya situatsiya v sovremennoi Rossii: perspektivy razvitiya* [Spiritual and ideological situation in modern Russia: development prospects]. IN: *Polis. Politicheskie issledovaniya*. – 1995. – No. 4. – P. 6-17. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Traditional social institutions of Kabardians and their crisis in the late 18th – first half of the 19th century] – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1994. – 438 p. (In Russian)

KHVOSTOVA K.V. *Sposoby funktsionirovaniya Vizantiiskoi tsivilizatsii vo vremeni* [The ways of functioning of the Byzantine civilization in time]. IN: *Tsivilizatsii. Vyp. 3* [Civilizations. 3d issue]. – M.: Nauka, 1995. – P. 189-198. (In Russian)

KNYAZEVA E.N. *Sinergetika* [Synergetics]. IN: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. – M.: «Kanon+» ROII «Reabilitatsiya», 2009. – P. 861-862. (In Russian)

KOZLOVA N.N., SMIRNOVA N.M. *Krizis klassicheskikh metodologii i sovremennaya poznatel'naya situatsiya* [The crisis of classical methodologies and the modern cognitive situation]. IN: *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 1995. – No.11. – P. 12-22. (In Russian)

Kruglyi stol «Sinergetika: perspektivy, problemy, trudnosti» [Round table “Synergetics: prospects, problems, difficulties”]. IN: *Voprosy filosofii*. – 2006. – No. 9. – P. 3-33. (In Russian)

LASZLO E. *Rozhdenie slova – nauki – epokhi* [The birth of the word – science – era]. IN: *Polis. Politicheskie issledovaniya*. – 1993. – No. 2. – P. 25-30. (In Russian)

MOGIL'NITSKII B.G. *Mezhdub"ektivizmom i relyativizmom: Diskussii v sovremennoi amerikanskoi istoriografii* [Between objectivism and relativism: discussions in modern American historiography]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1993. – No. 5. – P. 3-17. (In Russian)

PRIGOGINE I. *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. IN: *Voprosy filosofii*. – 1991. – No. 6. – P. 46-57. (In Russian)

PRIGOGINE I. *Ot sushchestvuyushchego k vznikayushchemu. Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From Being to Becoming: time and complexity in the physical sciences]. – M.: Nauka, 1985. – 328 p. (In Russian)

PRIGOGINE I., STENGERS I. *Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos. Man's new dialogue with nature]. – M.: Progress, 1986. – 432 p. (In Russian)

SAPRONOV M.V. *Kontseptsii samoorganizatsii v obshchestvoznanii: moda ili neobkhodimost'?* (*Razmyshleniya o budushchem istoricheskoi nauki*) [Self-organization concepts in social science: fashion or necessity? (Reflections on the future of historical science)]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2001. – No. 1. – P. 148-161. (In Russian)

SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and time. In search of the lost]. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. – 800 p. (In Russian)

SEME NOV Yu.I. *Materialisticheskoe ponimanie istorii: nedavnee proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Materialistic understanding of history: its recent past, present, future]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1996. – No. 3. – P. 80-84. (In Russian)

SEMENOV Yu.I. *Vsemirnaya istoriya kak edinyi protsess razvitiya chelovechestva vo vremeni i prostranstve* [World history as a single process of human development in time and space]. IN: *Filosofiya i obshchestvo*. – 1997. – No. 1. – P. 156-217. (In Russian)

SHEVLOKOV V.A. *Novye gorizonty sinergeticheskikh issledovaniy: sotsiosinergetika* [New horizons of studies in synergetics: socio-synergetics]. IN: *Mir etnosa (aspekty i metody issledovaniya)* [The world of ethnos (aspects and methods of study)]. – Nal'chik: B.i., 1999. – P. 6-29. (In Russian)

SMITH S. *Postmodernizm i sotsial'naya istoriya na Zapade: problemy i perspektivy* [Postmodernism and Social History in the West: Issues and Prospects]. IN: *Voprosy istorii*. – 1997. – No. 8. – P. 154-161. (In Russian)

SMOLENSKII N.I. *Problemy teoreticheskogo plyuralizma* [Problems of theoretical pluralism]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1998. – No. 1. – P. 6-18. (In Russian)

SMOLENSKII N.I. *Vozmozhna li obshcheistoricheskaya teoriya?* [Is a general historical theory possible?]. IN: *Novaya i noveishaya istoriya*. – 1996. – No.1. – P. 5-11. (In Russian)

STEPIN V.S. *Nauka* [Science]. IN: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. – M.: «Kanon+» ROII «Reabilitatsiya», 2009. – P. 560-566. (In Russian)

STEPIN V.S. *O filosofskikh osnovaniyakh sinergetiki* [On philosophic foundations of synergetics]. IN: *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika obrazovaniya* [Synergetic paradigm. Synergetics of education]. – M.: Progress-Traditsiya, 2007. – P. 97-102. (In Russian)

STONE L. *History and the Social Sciences in the Twentieth Century*. IN: STONE L. *The Past and the Present Revisited*. – London and New York: Routledge, 1987. – P. 3-44. (In English)

WALLERSTAIN I. *Sotsial'noe izmenenie vechno? Nichto nikogda ne menyaetsya?* [Is social change perpetual? Nothing ever changes?]. IN: *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 1997. – No. 1. – P. 8-21. (In Russian)